

Н.Н. Аблажей
А.М. Аблажей*

«ОРГАНЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ВЛАСТИ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ
ПОЛНЫЙ И БЕЗУСЛОВНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ВСЕМ,
ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В СТЕНАХ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»:
БОРЬБА ЗА АВТОНОМИЮ ВУЗОВ В 1921–1922 ГОДАХ**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-17
УДК 351.746+378"1921/1922"

Выходные данные для цитирования:
Аблажей Н.Н., Аблажей А.М. «Органы пролетарской власти должны иметь полный и безусловный контроль над всем, что делается в стенах высшей школы»: борьба за автономию вузов в 1921–1922 годах // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 250–267. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-17.pdf>

N.N. Ablazhey
A.M. Ablazhey*

“THE AGENCIES OF PROLETARIAN POWER MUST HAVE
COMPLETE AND UNCONDITIONAL CONTROL OVER
EVERYTHING THAT IS DONE WITHIN THE WALLS
OF HIGHER EDUCATION”: THE STRUGGLE FOR
THE AUTONOMY OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
IN 1921–1922**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-17

How to cite:
Ablazhey N.N., Ablazhey A.M. “The Agencies of Proletarian Power Must have Complete and Unconditional Control over Everything That is Done within the Walls of Higher Education”: The Struggle for the Autonomy of Higher Education Institutions in 1921–1922 // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 25–267.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-17.pdf>]

Abstract. This documentary publication describes the events of 1921–1922 that led to the actual rejection of the principle of university autonomy in Soviet Russia. It is shown that the Soviet and party leadership initially had no consensus on how to manage higher education. As a result, it quickly split into pragmatists, ready for a reasonable tactical compromise for the sake of achieving strategic goals, and radicals, calling for a decisive “sovietization” of universities, which threatened a long-term crisis in higher education. A number of collective appeals and letters to the highest authorities are used to prove that the professors also were not politically homogeneous, generally trying to find legitimate forms of cooperation with the new government in the interests of science and higher education, and to ensure the basic conditions for professional activity. The majority of the professors considered the preservation of the principle of autonomy of higher education to be the most optimal form of cooperation. However, the adoption of the updated charter of higher education in the summer of 1922 and the victory of the radical

* **Наталья Николаевна Аблажей**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

Natalia Nikolaevna Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

Анатолий Михайлович Аблажей, кандидат философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey63@gmail.com

Anatoly Mikhailovich Ablazhey, Candidate of Philosophy, Institute of Philosophy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey63@gmail.com

** Статья опубликована в рамках тем государственных заданий Минобрнауки Российской Федерации «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005); «Институты и практики интеллектуального производства в современной России: тенденции и перспективы развития (национальный и локальный уровни)» (FWZW-2024-0013).

The article was published within the framework of the topics of state assignments of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005); “Institutes and Practices of Intellectual Production in Modern Russia: Trends and Development Prospects (National and Local Levels)” (FWZW-2024-0013).

wing of the Bolshevik Party marked the rejection of this principle and the transition to repressive measures in relations with the pre-revolutionary intelligentsia.

Keywords: higher education, professors, university autonomy, management, “sovietization”.

The article has been received by the editor on 16.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Настоящая документальная публикация посвящена раскрытию остающихся недостаточно изученными событий 1921–1922 гг., приведших к фактическому отказу большевиков от принципа университетской автономии в Советской России. Показано, что среди советского и партийного руководства первоначально не существовало единого мнения о принципах руководства высшей школой, что в острой ситуации привело к разделению внутри высшего эшелона на готовых к разумному тактическому компромиссу ради достижения стратегических целей прагматиков и призывавших к решительной советизации вузов радикалов. На примере публикуемых коллективных обращений и писем профессуры устанавливается, что последняя также, не будучи политически однородной, стремилась к поиску легитимных форм сотрудничества с новой властью в интересах науки и высшего образования и обеспечения базовых условий профессиональной деятельности. Оптимальной формой сотрудничества большинство профессуры выдвигало сохранение существовавшего до революции принципа автономии высшей школы. Однако принятие обновленного устава высшей школы летом 1922 г. и победа внутри большевистского руководства радикального крыла обозначили фактический отказ от указанного принципа и переход к репрессивным мерам в отношениях с унаследованным интеллектуальным кадровым потенциалом страны.

Ключевые слова: высшая школа, профессура, университетская автономия, управление, советизация.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025 г.

Одной из насущных задач, которые встали перед властью при переходе от гражданской войны к построению нового строя, стала советизация высшей школы. При этом большевики понимали, что без помощи старой профессуры реализовать грандиозные планы переустройства страны и превращения ее в современное индустриальное государство маловероятно, если вообще возможно. В то же время большевистское правительство придерживалось политико-идеологической линии на жесткое противостояние с теми, кого оно относило к контрреволюционерам, постоянно выражая и реализуя готовность идти на самые крайние меры для достижения своих политических целей. Процесс свертывания вузовской автономии не был самоцелью, но имел «радикальный политический смысл». Один из руководителей Наркомата просвещения Советской России, организатор создания Государственного ученого совета, системы рабфаков и Института красной профессуры, историк М.Н. Покровский заявлял о необходимости «демократизировать науку, ныне составляющую монополию небольшой кучки дипломированных ученых, тесно связанных своими интересами с буржуазией, из рядов которой они по большей части и вышли»¹.

¹ Цит. по: Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реформа высшего образования в Советском государстве в 20-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 4. С. 258.

Еще одно важное уточнение – как показали дальнейшие события, в самом большевистском руководстве не было единого мнения относительно того, как руководить высшей школой, вследствие чего оно достаточно быстро и четко разделилось на прагматиков, готовых к разумному тактическому компромиссу ради достижения стратегических целей, и радикалов, призывавших к решительным мерам, несмотря на вероятные негативные последствия, потенциально грозившие упадком высшего образования на ближайшие годы. Данные обстоятельства обусловили сложный и неоднозначный характер мер, принимаемых в области управления высшей школой в период 1921–1922 гг. К радикалам относились и отдельные профессора, как правило, члены большевистской партии, некоторые из которых в тот момент оказались во главе вузов. Так, занимавший пост ректора МГУ экономист Д.П. Боголепов в своем письме в ЦК РКП(б) крайне нелицеприятно высказывался о профессиональных качествах руководителей Наркомпроса: «Нужно, чтобы делом высшей школы ведали товарищи, которые ее знают и понимают, и кроме того умеют вести дело. К людям незнающим я отношу тов. А.В. Луначарского, тов. Е.А. Преображенского и тов. Е.А. Литкенса². О.Ю. Шмидт очень недавний и очень нетвердый коммунист, и его едва ли можно считать образцовым руководителем, так как мне лично кажется, что он едва ли не больше сочувствует буржуазным слоям профессуры. Больше всех понимает и знает профессуру тов. М.Н. Покровский, но он совершенно не умеет управлять и не способен вести какой-либо твердой политики»³. В качестве альтернативы Д.П. Боголепов предлагал доверить дело управления вузами радикально настроенным профессорам, таким, в частности, как физик и философ-марксист А.К. Тимирязев (сын физиолога и естествоиспытателя К.А. Тимирязева) и другие его соратники по Московскому университету.

Профессура со своей стороны также не являлась однородной, при том что в целом она пыталась «найти легитимные формы сотрудничества с ними [большевиками] в интересах развития науки и просвещения, обеспечения элементарных условий своей профессиональной деятельности»⁴. Наиболее оптимальной для себя формой сотрудничества профессура считала утверждение (а точнее подтверждение, учитывая опыт руководства университетами Временным правительством) принципа автономии высшей школы. В начале 1921 г. пользовавшийся поддержкой подавляющего большинства преподавателей вузов и деятелей науки «Объединенный совет научных учреждений и высших учебных заведений» выступил в защиту принципов автономии. В воззвании «Объединенного совета...», озаглавленном «Грозная опасность русской науке», проводимая Главпрофобротом (Главное управление профессионально-политехнических школ и высших учебных заведений Народного комиссариата просвещения, руководимое на тот момент известным большевиком Е.А. Преображенским) реформа управления университетами оценивалась как «совершенное упразднение свободы научного преподавания и даже исследования», а «принцип диктатуры» признавался «абсолютно неприемлемым». Руководители «Объединенного совета...», напротив, оперировали понятием «нравственной независимости» ученых, что руководство страны ожидаемо расценивало как «антисоветскую деятельность»⁵.

В сентябре 1921 г. Совнарком своим декретом утвердил «Положение о высших учебных заведениях РСФСР», в котором были зафиксированы основные принципы взаимоотношений власти и профессуры. Ряд разделов «Положения...» в известном смысле аналогичен базовым основаниям «Университета Гумбольдта»: общее руководство вузом (прежде всего речь идет о назначении ректора и ведущих профессоров) осуществляет государство с учетом рекомендаций профессорского сообщества, тогда как организация текущей учебной и научной работы на факультетах находится в руках самих преподавателей. В ноябре-декабре 1921 г. в вузах прошла избирательная кампания. Однако «правления,

² Литкенс Евграф Александрович – в 1921 г. заместитель народного комиссара по просвещению.

³ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 80.

⁴ *Купайгородская А.П.* Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: мат-лы междунар. науч. коллоквиума.* СПб., 2003. С. 187.

⁵ *Петаченко Г.А.* Профессиональные объединения научных работников в советской России (1918–1928 гг.) // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2016. № 4. С. 37.

назначенные Главпрофобротом посредством отбора из намеченных кандидатов, во многих случаях не удовлетворили ни радикально настроенных студентов, ни профессорские советы. К концу [1921] года профессорские протесты стали принимать более организованный и последовательный характер»⁶. Явно стремившаяся к большей самостоятельности профессура выступила против реализации «Положения...» 1921 г. и «высказывала открытое недовольство, аргументируя свое несогласие отсутствием возможности влиять на учебный процесс и подбор кадров»⁷. Ярким выражением подобного недовольства стало письмо группы ведущих профессоров московских и петроградских вузов, адресованное председателю Совнаркома⁸.

Один из авторов письма, декан физико-математического факультета МГУ и будущий пассажир «философского парохода» В.В. Стратонов, в своих воспоминаниях описывал, как готовилось это письмо: «Особенно тщательно составлялась 4-я петиция весной 1921 г. На объединенном совещании представителей всех вузов Москвы петицию составляли, пересоставляли, редактировали, перередактировали... Наконец, составили. Получилось нечто среднее, со слабыми сторонами коллективного творчества. Стали подписывать. Почему-то этим делом завладел проф. Х., один из любимых советской властью, совмещавший очень много должностей, в том числе и профессию в Московском университете. Он настоял на том, чтобы петицию подписывали лишь наиболее ответственные лица, с перечислением при подписи всех своих титулов и должностей: – Это произведет большое впечатление... Сомневались, но исполнили. Затем он стал настаивать, чтобы петицию подписали еще виднейшие научные деятели Петрограда. Сам отвез туда для этой цели петицию. Петроградцы подписали. На все это ушло месяца полтора. После этого петиция стала мариноваться в столе у Х. О ней начали забывать»⁹.

Тем не менее «забытое» письмо все-таки дошло до адресата. Анализ текста показывает, что оно действительно было написано задолго до декабря 1921 г. Там, например, высказывается упрек в адрес Главпрофобра в том, что он не сумел «выработать в течение трех лет никакого устава Высшей школы» (между тем «Положение о высших учебных заведениях РСФСР», напомним, было принято в сентябре 1921 г.). Можно предположить, что часть вузовских преподавателей, настроенных более лояльно по отношению к новой власти, рассчитывало на компромисс с ней, надеясь, что интересы профессуры как профессиональной и социальной группы будут учтены в гораздо большей степени. Этого не случилось и открытый конфликт стал неизбежен.

Первым заметным проявлением этого конфликта стало общее собрание «Объединенного Совета ученых учреждений и высших учебных заведений», состоявшееся 26 января 1922 г. и принявшее ряд резолюций по вопросам, связанным с введением нового Положения...». Помимо вопросов государственного снабжения и финансирования высшей школы, принятые Советом документы содержали прямые «обвинения в “нажиме” на вузы. Кандидатам, намеченным профессорскими и преподавательскими коллегиями, давалось прямое указание в случае невыполнения хотя бы одного из условий Совета «не принимать на себя обязанностей ректора и членов правления»¹⁰. По мнению большинства профессуры, принятие «Положения...», по сути, устранило «основные условия, обеспечивающие развитие и процветание научной и учебной работы высших учебных заведений», а именно: самостоятельность, «самопополнение своего состава, выборность администрации и общее руководство всей работой факультетов и советов»¹¹. Как и следовало ожидать, подобное поведение интеллигенции не могло остаться безнаказанным, партийное руководство расценило такого

⁶ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: мат-лы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003. С. 178.

⁷ Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реформа высшего образования... С. 258.

⁸ См. публикуемый ниже документ № 2.

⁹ Стратонов В.В. Потеря Московским университетом свободы (воспоминания о забастовке 1922 г.) // На рубежах познания Вселенной (Историко-математические исследования, вып. 23, 1991). М., 1992. С. 429.

¹⁰ Петаченко Г.А. Профессиональные объединения научных работников... С. 38.

¹¹ Купайгородская А.П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда... С. 199.

рода заявления как «призыв к саботажу» и распустило «Объединенный Совет...» – последнее сохранившееся с дореволюционного времени профессиональное объединение профессуры и научных работников¹².

В январе 2022 г. конфликт достиг высшей точки: крупнейший вуз страны – Московский государственный университет объявил о прекращении занятий. Инициатором забастовки профессоров стал физико-математический факультет. Существенным отличием от событий, связанных с роспуском «Объединенного Совета...», стало то, что в направленной в адрес Совнаркома петиции ее авторы заострили внимание исключительно на вопросах финансирования и жизнеобеспечения высшей школы, старательно обходя все вопросы, которые можно было бы трактовать как политико-идеологические¹³.

Несмотря на то, что письмо было адресовано Совнаркому, начавшаяся забастовка очень быстро попала в поле зрения высшего органа власти – Политбюро ЦК РКП(б). Положение дел в сфере высшего образования обсуждалось в ходе заочного опроса среди его членов, в ходе которого Л.Б. Каменев, например, предлагал Наркомпросу созвать конференцию для обсуждения дел в сфере высшего образования не позже середины февраля¹⁴. Письмо по поручению секретаря ЦК В.М. Молотова 13 января 1922 г. также переслали А.В. Луначарскому. Уже на следующий день, 14 января, глава Наркомпроса пишет письмо Молотову, в котором соглашается с предложением Каменева и просит ЦК не предпринимать пока никаких шагов в связи с письмом профессоров, поскольку *«этот вопрос совсем не стоял на обсуждении Коллегии Наркомпроса и, таким образом, нисколько не исчерпан в советском порядке»*. Другими словами, Луначарский не хотел выносить сор из избы и рассчитывал погасить конфликт, не выходя за пределы наркомата просвещения. Нарком предлагал созвать не позже первой половины февраля конференцию с участием *«всех подписавших это заявление лиц и экспертов из числа ответственных работников Наркомпроса и приглашенных ими ученых для делового обсуждения поднятых в записке вопросов и для попытки соглашения по основным пунктам»* и *«договориться... без дальнейшего восхождения по советским инстанциям или в партийном порядке»* под своим председательством¹⁵. А.В. Луначарский укорял профессоров за *«крайнюю беспорядочность»* их тактики, выразив *«строжайшее осуждение»* их желания бастовать и предложив возобновить занятия¹⁶.

Как показали дальнейшие события, такое совещание так и не было созвано, в результате чего разбором ситуации в сфере высшего образования вновь занялась высшая партийная инстанция. 2 февраля вопрос о постановке дела в области высшего образования обсуждается на заседании Политбюро, которое по его итогам принимает несколько важных решений. Во-первых, Наркомпросу предлагалось *«ликвидировать стачку»*. Речи о том, что при этом необходимо обойтись без применения репрессий против «подписантов», в документе не шла, однако дальнейшие события показали, что подобный алгоритм действий подразумевался. Во-вторых, Наркомпросу предлагалось срочно изыскать средства для *«выплаты задолженности профессуре Высшей школы»*, причем речь шла об *«уплате январ.[ского] и февр.[альского] жалованья по тарифным ставкам (или с приближением к ним)»*. Предписывалось также образовать *«смешанную комиссию в составе Наркомпроса, ЦКПроса [профсоюза работников просвещения] и представителя профессуры для рассмотрения экономического положения высшей школы вообще и, в частности, тарифы преподавательскому персоналу»*¹⁷. Другими словами, Политбюро предпочло на тот момент обойтись без репрессий.

4 февраля на заседании Политбюро с участием Л.Б. Каменева, И.В. Сталина, А.Д. Цурюпы, Н.П. Брюханова, В.А. Аванесова, М.М. Литвинова, Г.Я. Сокольникова, А.А. Новицкого, М.Н. Покровского, В.В. Фомина вновь обсуждалось положение дел в высшей школе. Докладчиком по этому вопросу был М.Н. Покровский, на тот момент один

¹² Петаченко Г.А. Профессиональные объединения научных работников... С. 38.

¹³ См. публикуемый ниже документ № 3.

¹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 37.

¹⁵ Там же. Л. 51.

¹⁶ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа... С. 179.

¹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 38.

из руководителей наркомата просвещения. По итогам обсуждения Политбюро принимает решение «разъяснить коллегии Наркомпроса, что постановление Политбюро от 2.II, принятое в присутствии т.т. Луначарского, Литкенса и Преображенского, имело целью мирную и скорейшую ликвидацию забастовки профессоров, без применения репрессии». С этой целью предлагалось немедленно «создать комиссию с привлечением представителя профессоров для обсуждения вопроса об улучшении их материального положения» и «найти средства для ликвидации задолженности по ставкам профсоюзов». Информацию о принятых мерах следовало срочно довести до сведения профессоров и «немедленно открыть закрытый распределитель» (вероятно, речь шла о дополнительном продовольственном обеспечении профессуры). Кроме того, Политбюро нашло «ненужным» выпуск «составленного НКПросом воззвания»¹⁸.

Через несколько дней, 8 февраля, руководство Наркомпроса в лице Луначарского передает письмо в ЦК партии, где просит включить в состав будущей комиссии ЦК по делам высшей школы два-три члена ЦК, «по возможности тех именно, которые работают в ВЦСПС и из руководителей Наркомпроса, наркома, его заместителей и заведующего Главпрофобром (т.т. Луначарского, Литкенса, Покровского и Преображенского)». Что касается представителей профессуры, то Луначарский настаивал на включении в состав будущей комиссии «представителей коммунистической профессуры, а именно И.И. Скворцова, Волгина и Тимирязева». На тот случай, если бы ЦК не согласился на такой состав комиссии, Луначарский предлагал сформировать ее «исключительно из членов Центрального Комитета, а перечисленных здесь лиц включить с правом совещательного голоса»¹⁹.

На очередном заседании 9 февраля Политбюро вновь обсуждало вопрос о высшей школе. А.В. Луначарскому, Е.А. Литкенсу и М.Н. Покровскому за «неисполнение постановления Политбюро ЦК от 2 февраля о высшей школе» объявлялся выговор. Для подготовки решения Политбюро «в области политики в Высшей школе» создавалась специальная комиссия в составе Е.А. Преображенского, М.Н. Покровского, А.В. Луначарского, М.П. Томского, Н.А. Семашко, И.В. Сталина. Таким образом, предложения Луначарского о составе комиссии были де-факто приняты, кроме Е.А. Литкенса и представителей лояльной профессуры. Вместе с тем, учитывая бескомпромиссную позицию Преображенского, выступавшего по-прежнему за самые суровые меры в отношении профессуры, Политбюро постановило «временно освободить его от всех обязанностей», в том числе руководителя Главпрофобра, кроме членства в созданной комиссии и в редакции «Правды»²⁰. А.Д. Цюрупа, член Совнаркома, поставленный во главе особой комиссии Политбюро по вузам, спешно созвал совещание с делегацией от профессорского совета МГУ и предупредил профессоров о недовольстве ими режимом, вслед за А.В. Луначарским осудив их за объявление забастовки, вместо того чтобы действовать «пристойным образом»²¹.

10 февраля Комиссия повторила требование к Наркомпросу «урегулировать положение Высшей школы», причем сделать это «в контакте с той группой профессоров, которая действительно желает вести научную работу, точно выяснив условия их работы и устранить затрудняющую эту работу явления»²². 13 февраля по предложению Комиссии ЦК одобрил комплекс мер по урегулированию положения в высшей школе. Среди них: пересмотр сметы высшей школы в сторону увеличения; сокращение как количества учреждений высшего образования, так и их штатной численности, в частности, числа профессоров; введение платы за обучение в вузах, от которой освобождались «неимущие элементы студентов»; улучшение снабжения вузов «учебными и научными пособиями». Сохранились отдельные элементы автономии высшей школы: при организации и утверждении состава правлений вузов Главпрофобру предписывалось отдавать предпочтение кандидатам профессуры. Более того, представителя профессуры, входившего в Научно-техническую секцию

¹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 40.

¹⁹ Там же. Л. 44–44 об.

²⁰ Там же. Л. 43.

²¹ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа... С. 179.

²² АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 57.

Государственного ученого совета на правах заместителя заведующего, рекомендовалось назначить на должность заместителя заведующего Главпрофобром для руководства Высшей технической школой. Такое назначение следовало осуществлять по предварительному соглашению с «профессурой столиц». Кроме того, предписывалось ввести представителя профессуры в состав коллегии Наркомпроса. Одновременно следовало принять все возможные меры для «улучшения постановки дела на рабфаках». С целью учета специфики сельскохозяйственного и технического образования Глафпрофобру предлагалось дополнить устав об управлении вузами дополнительными пунктами. Симптоматично, что на том же заседании была принята отставка Е.А. Преображенского с поста главы Главпрофобра. Таким образом, ЦК принял откровенно компромиссное решение.

Сделав некоторые шаги навстречу профессуре, партийный орган в то же время предпринимал сокращать как количество вузов, так и численность самих профессоров. Учитывая ограниченность средств, государство, с одной стороны, декларировало необходимость повышения жалования вузовской профессуры, закупки необходимого оборудования и учебной литературы, с другой – настаивало на сокращении числа вузов и профессорского корпуса. Что касается университетской автономии, то здесь власть также пошла на ряд мелких уступок. Отстранив от руководства вузами наиболее радикальных своих представителей в лице Е.А. Преображенского, она сохранила рабфаки и ввела плату за обучение, освободив от нее представителей победивших классов. Сохранив за собой реальную власть в университетах, власть через несколько лет, с наступлением «Великого перелома», сделала все возможное, чтобы высшее образование стало советским и по содержанию, и по форме.

В своих воспоминаниях один из инициаторов забастовки в МГУ и в скором будущем вынужденный эмигрант В.В. Стратонов большое внимание уделил описанию событий января-февраля 1922 г. По его мнению, тот факт, что разбором положения дел в сфере высшего образования занялись высшие органы власти, имел положительный эффект: «Некоторые результаты забастовка все же дала. Было действительно привлечено внимание на невозможное материальное положение высшей школы. Ассигнования на русские ВУЗы были повсюду увеличены. Удалось избавиться от намечавшегося Наркомпросом, в видах экономии, закрытия жизнеспособных высших школ. Улучшено было и материальное положение русской профессуры. Такие профессорские оклады, как 25 рублей в месяц, более не стали возможными. Их повысили, иногда до приемлемой суммы»²³.

Обратим внимание на тот факт, что работавшие в вузах на профессорских должностях члены партии были настроены более радикально, о чем свидетельствует письмо в ЦК от 16 марта 1922 г. 46 коммунистов – преподавателей и научных сотрудников высших учебных заведений Москвы, написанное по следам обсуждения проекта нового устава высшей школы, представленного в докладе В.Н. Яковлевой, ставшей начальником Главпрофобра после отставки Е.А. Преображенского. В письме, подписанном М.Н. Покровским, А.К. Тимирязевым и В.Н. Яковлевой²⁴, предлагалось закончить дебаты о новом уставе и немедленно приступить к проведению его в жизнь. Предвидя неизбежность новых выступлений профессуры, авторы письма предлагали зафиксировать основные положения советской политики в области высшего образования, от которых не следовало отходить ни в коем случае. Среди них: сохранение в вузах рабфаков; сохранение полномочий по приему студентов в руках «советских, профессиональных» органов, не передавая их в руки профессуры, как она того требовала; сохранение за Наркомпросом права назначать научных сотрудников в вузы; сохранение за советскими и профессиональными органами права на распределение стипендий. Кроме того, составители письма просили ЦК поставить вопрос о высшей школе в порядок дня XI съезда РКП(б), назначив докладчиком А.К. Тимирязева. В части порядка управления вузами предлагалось изменить п. 32 устава, расширив полномочия Главпрофобра в области контроля за деятельностью вузов, а также обеспечив права советского меньшинства правлений вузов. Предлагалось выделить факультеты обще-

²³ Стратонов В.В. Потеря Московским университетом свободы... С. 448.

²⁴ Яковлева Варвара Николаевна (1885–1941) – в 1922 г. назначена на руководящую должность в Народном комиссариате просвещения РСФСР. Арестована в 1937 г., расстреляна.

ственных наук из их состава вузов, создав на их базе Институты обществоведения. Наконец, авторы письма настаивали на необходимости периодически созывать совещания с участием профессоров, преподавателей и научных сотрудников из числа коммунистов для обсуждения важных вопросов жизни вузов, в частности проведения в жизнь устава²⁵.

Со своей стороны Политбюро посчитало постановку вопроса о высшей школе в порядок дня XI съезда РКП(б) нецелесообразной. Было предложено обсудить этот вопрос с делегатами в кулуарах съезда и представить заключение в Политбюро по его окончании. Ситуацию удалось нормализовать. В то же время власть не простила профессуре этого выступления. В начале мая на заседании Совнаркома В.В. Стратонова и других профессоров «предостерегли, предложив смягчить тон своих выступлений, а в особенности воздержаться от критики А.В. Луначарского и Наркомпроса»²⁶.

В начале июля 1922 г. принимается новая редакция «Положения о высших учебных заведениях РСФСР». По сравнению с «Положением...» в редакции 1921 г. оно стало более либеральным, что касалось прежде всего процедуры назначения ректора вуза. Если в документе 1921 г. говорилось, что он «назначается Главным Комитетом Профессионально-Технического Образования из числа членов Правления»²⁷, то в новой редакции речь шла также о назначении, но уже «из числа кандидатов на эту должность, *выдвигаемых преподавательским составом* (курсив наш. – Н. А., А. А.) Высшего Учебного Заведения». Правда, тут же делалась оговорка, что «в случае, если Народный Комиссариат Просвещения найдет невозможным назначить ректора из числа кандидатов, представленных преподавательским составом Высшего Учебного Заведения, последний должен назвать других кандидатов. Если и они окажутся не удовлетворяющими требованиям Народного Комиссариата Просвещения, Народный Комиссариат Просвещения назначает ректора по своему выбору»²⁸. Другими словами, открытый протест профессуры если не напугал власть, то заставил ее пойти на некоторые уступки, пусть временные и незначительные.

Однако вскоре осенью 1922 г. после программной речи Г. Зиновьева о ближайших задачах на идеологическом фронте ситуация резко изменилась в худшую сторону. Вероятно, болезнь В.И. Ленина и его отход от руководства страной подтолкнули наиболее радикальное крыло большевистской партии к более решительным действиям, в том числе в области руководства высшей школой. Те представители профессуры, кто особенно активно сопротивлялся советизации вузов, в том числе В.В. Стратонов, М.М. Новиков, Б.Н. Одинцов, Л.П. Карсавин и др., как и значительное число преподавателей гуманитарных и социальных дисциплин, были арестованы и насильственно высланы из Советской России. Власть сумела в короткое время решить главную задачу – лишить профессуру возможности влиять на кадровые решения: «Сосредоточив внимание прежде всего на административном контроле, большевистское руководство достигло главной цели – вырвало высшее образование из рук коллективной профессуры и подчинило его общегосударственной политике»²⁹.

Таким образом, уже в начале 1920-х гг. университетская автономия была де-факто отменена и объявлена «пережитком» и «детисцем феодально-помещичьего строя». Несмотря на наличие в уставе высшей школы норм об участии профессорско-преподавательского состава в формировании вузовского руководства, на деле они не работали. Вся власть была сосредоточена в руках комиссариата просвещения и Главпрофобра. Тем не менее «сама идея... автономии сохранялась как элемент университетской субкультуры»³⁰ на протяжении всей советской истории и оказалась востребованной в начале 1990-х гг., когда российское

²⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 61.

²⁶ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа... С. 183.

²⁷ «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» от 2 сентября 1921 г. П. 32. [Электронный ресурс] URL: <https://letopis.msu.ru/documents/2762> (дата обращения: 12.11.2024).

²⁸ «Положение о высших учебных заведениях» от 3 июля 1922 г. П. 33. [Электронный ресурс] URL: https://ecolog.ru/docs/T3MpeD40UtWl_4S_iFnai?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.11.2024).

²⁹ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа... С. 184.

³⁰ Мазур Л.Н., Карманова Е.Д. К вопросу об автономии российских университетов: историко-документоведческое исследование уставов XIX–XXI веков // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 165.

высшее образование стремительно переходило на рыночные принципы существования, включая ренессанс принципов университетской автономии.

Ниже впервые публикуются документы, наиболее емко характеризующие события 1921–1922 гг., приведшие к фактическому отказу от принципа университетской автономии в Советской России, отложившиеся в коллекции Архива Президента РФ (АП РФ) в фонде № 3 (Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)) в тематической папке «Высшая школа». Документы тематических папок лишь частично переданы в Российский государственный архив социально-политической истории. Текст документа передан в соответствии с современными правилами орфографии, стилистические особенности документов сохранены.

* * *

Документ № 1

Письмо председателя Временного президиума МГУ Д.П. Боголепова и группы профессоров в Политбюро ЦК РКП(б)

[г. Москва]

[не позднее 17 апреля 1921 г.]

В Политбюро Ц.К. Р.К.П.

Вопрос о специалистах вовсе не стоял в программе X съезда. В резолюции IX съезда совершенно не затронут вопрос о массовой подготовке новых специалистов преимущественно из рабочей среды и о той роли, какую в этом деле можно отвести старым специалистам. Из двух задач, намеченных IX съездом – построения могущественного социалистического хозяйства и необходимости вырваться из когтей нищеты, – первая задача не может быть решена только при помощи старых буржуазных специалистов. Можно привести сколько угодно примеров не только «невежественного самомнения» партийных товарищей, о которых говорит резолюция IX съезда, но нередко невежественного самомнения – буржуазных специалистов, полного непонимания ими не только задач социалистического строительства, но часто важных вопросов в своей собственной специальности. Дело в том, что российский капитализм создавался преимущественно на иностранные капиталы, иностранными специалистами, иногда целые заводы со всеми их сооружениями целиком переносились из-за границы. Поэтому роль русских специалистов часто ограничивалась наблюдением за поддержанием производства. Русская специальная школа была поэтому на соответствующем низком уровне, и этим объясняется невысокая квалифицированность русских специалистов. Инженеры, не знающие, что такое ферма, профессора-химики, не умеющие отличить вопрос о радиоактивности от вопроса о радиотехнике и т.п. далеко не редкость в нашей действительности. И если прибавить сюда абсолютное непонимание задач советского строительства, желание сберечь свои силы для «грядущего» буржуазного строя, то отсюда ясным становится вывод, что с такими «специалистами» можно кое-как вести текущую работу, но нельзя думать о грандиозных задачах переустройства. Нам нужно, с одной стороны, выписывать хороших специалистов из-за границы, а с другой – готовить новых специалистов из сочувствующей нам среды. Эта последняя задача требует ряда лет самой упорной работы, но без ее разрешения мы не выйдем из тупика, не проведем электрификации страны, не разрешим других важнейших задач социалистического строительства. Поэтому нам нужно обратить самое серьезное внимание на выработку новых спецов и определить ту роль, которую в этой подготовке должны играть старые спецы. Несомненно, что постоянное стремление капитализма к возрождению проявляется в этой области стремлением к возрождению буржуазной интеллигенции, тогда как нам нужна коммунистическая. Профессура высшей школы представляет собой замкнутую касту «жрецов», опасную своим стремлением всюду проводить только «своих» людей, и все более талантливое извне, смелое и независимое ими отменяется, и в особенности отменяются коммунисты. В Московском университете коммунистическим Президиумом велась самая упорная борьба за обновление состава преподавателей путем

введения туда хотя бы в небольшом числе коммунистических элементов, что встречало самое упорное противодействие со стороны профессуры. Коммунистка Лепешинская, бывшая раньше три года ассистентом, проведенная против желания профессуры, встретила самый решительный бойкот со стороны своих «товарищей», и только давление президиума дало ей возможность работать. Коммунист Максимов встретил почти такой же прием на физико-математическом факультете, 33 медика – на медицинском. Профессура упорно борется против обновления высшей школы и в особенности за свое право назначать себе преемников. А между тем без обновления состава студенчества при помощи Рабочих факультетов, без обновления состава профессуры мы не сумеем создать кадры надежных специалистов. В частности необходимо уничтожить так называемые факультетские собрания как учреждения менее всего компетентные в научной области и дающие возможность профессуре проводить свое влияние.

Между тем принятый Коллегией Наркомпроса проект об управлении высшей школой с этой точки зрения не вполне соответствует вышеприведенным положениям. Он оставляет известные права факультетам, между тем как опыт Московского Университета в течение четырех месяцев показывает возможность обходиться без факультетских собраний при помощи создания при президиуме особой научно-учебной комиссии, которая фактически решает все важнейшие дела факультетов и проводит коммунистическое влияние. Неправильно, по нашему мнению, также введение студентов в руководящий орган управления, так как: а) в научно-учебной части они не компетентны, б) отрываются от студенческой массы ввиду огромной работы и тем самым теряют свою ценность как представители студенчества, в) легко поддаются влиянию профессуры.

Ввиду принципиальной важности этого вопроса с общеполитической точки зрения, просим: 1) рассмотреть этот вопрос с приглашением заинтересованных лиц и 2) до решения этого вопроса задержать проведение в жизнь проекта об управлении высшей школой и передать его на рассмотрение Совнаркома.

*Председатель Временного Президиума Московского Университета
Д. Боголепов.*

*Член Президиума и председатель
Научно-учебной комиссии при Президиуме Моск. Универ.
А. Тимирязев.*

*Члены научно-учебной комиссии при Президиуме Моск. Универ.
Яр. Пржеборовский¹,
Б. Вейсброд².*

*Член Президиума Моск. Универ. и зав. отд. рабочих факультетов
Н. Вихрев³.*

Всецело присоединяюсь к содержанию докладной записки, за исключением той части ее, где говорится о роли коммунистического студенчества в органах управления ВУЗ. Считаю, что этот вопрос может быть разрешен путем персонального подбора.

*Член Президиума Московского Университета
Зав. Рабочим Факультетом
Г. Меерзон⁴.*

Согласен за исключением пункта о студенчестве. Полагаю, что последнее, как наиболее прогрессивная молодая часть высшей школы, должна в той или иной форме быть привлечена к органам Управления.

*Член Учебно-научной Комиссии
С. Левит⁵.*

*Член Научно-учебной Комиссии
Н.С. Понятский⁶.*

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 20–20 об.
Машинописная заверенная копия. Рукописные пометы. Наверху две машинописные резолюции В.И. Ленина и В.М. Молотова: 1) «Тов. Молотову. Пусть прочтут все члены Политбюро. Надо поставить на П/Бюро, по-моему. Сообщить им устав, затребовать их поправки. Очень важно. 17/IV. ЛЕНИН». 2) «Разослать членам П/Бюро завтра 19/IV на П/Бюро. Запросить по последнему п. 2 т. Луначарского. В.М. [Вячеслав Молотов]. 18/IV». Рукописная заверенная запись секретаря: «Подлинник сдан в Институт Ленина». Подпись заверителя А. Щатерникова – автограф.

Комментарии

1. Пржеборовский Ярослав Степанович (1883–?). Работал в Московском университете с 1912 по 1941 г. Один из создателей химического отделения на физико-математическом факультете МГУ, профессор (с 1923), проректор по учебной части (1925), заведующий кафедрой химии (1929–1930), заведующий лабораторией при кафедре неорганической химии (1933–1941) химического факультета.
2. Вейсброт Борис Соломонович (1874–1942), хирург, организатор здравоохранения. Член научно-технической секции Государственного ученого совета при Наркомпросе; член правления Московского хирургического общества всесоюзной ассоциации хирургов; один из организаторов Института неотложной помощи в Москве; личный врач Ленина и Тимирязева. В 1922 г. – профессор 2-го Московского государственного университета (вуз создан в 1918 г. на базе Московских высших женских курсов) кафедры параллельной госпитальной хирургической клиники.
3. Вихирев Николай Всеволодович (1897–1938). Политинспектор Всероссийского штаба РККА (1919–1920), заведующий отделом рабфаков Наркомата просвещения РСФСР (1920–1927). Сторонник троцкистской оппозиции 1926–1927 гг. Репрессирован и расстрелян в 1937 г.
4. Меерзон Г.К. избран в состав Временного Президиума МГУ от рабфака в 1921 г.
5. Левит Соломон Григорьевич (1894–1938), основоположник советской медицинской генетики. Выпускник медицинского факультета МГУ (1920), член первого состава Временного Президиума МГУ. Арестован в 1938 г. и расстрелян.
6. Понятский Николай Сергеевич (?–1928). Биолог, ученик К.А. Тимирязева, профессор.

Документ № 2

Письмо группы профессоров московских и петроградских вузов Председателю СНК РСФСР В.И. Ленину о ситуации в высшем образовании в 1921 г.

[г. Москва]

[Не ранее 28 декабря 1921 г.]

Копия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Высшее образование, как общее, так и специальное/техническое/медицинское, является основой материального прогресса страны и средством поднятия уровня развития населения; поэтому в культурных странах вопросы, связанные с высшей школой, считаются основными в государственном строительстве. Для иллюстрации достаточно указать на пример Германии, которая достигла блестящих результатов в области народного здравоохранения, в области техники и промышленности высокой постановкой науки и уважения к ней правительства и всего населения.

Запрос на высшее образование существовал в широких массах еще в дореволюционное время, и русские ученые постоянно отзывались на этот запрос. Создание и развитие таких учреждений, как Народные университеты, Пречистенские курсы для рабочих, Университет имени Шанявского, [было] как известно, делом русских ученых; некоторые из нижеподписавшихся принимали в работе этих учреждений активное участие. Это продолжалось и после Октябрьской революции до тех пор, пока ученые не встретились с неожиданной линией поведения руководителей высшего образования Наркомпроса, которые отнеслись с подозрением к ученым, стремясь, вместо единственно возможной свободной науки, поставить суррогаты, которые неизбежно должны были повести к искажению русской культуры. Постановка Наркомпросом вопроса о высшем образовании показывает, что руководители отдела высших учебных заведений не имеют ясного представления о том, что такое высшее общее и, в частности, медицинское и техническое образование и какова связь его с жизнью.

Совершенно справедливо желая приобщить рабочие массы к науке, Отдел Высших учебных заведений Наркомпроса не представлял себе, что для Высшего образования необходима предварительная подготовка, которая, например, в народных университетах осуществлялась специальной средней школой для рабочих.

Первой мерой для проведения общедоступности высшего образования было принятие высшей школой лиц, достигших 16 лет, без всякого контроля и гарантии их подготовки. Эта мера, встреченная отрицательно преподавателями, доказывавшими, что подобное мероприятие нанесет непоправимый вред университетскому преподаванию, было строго проведено О.В.У.З. Наркомпроса и, конечно, должна была дать самые плачевные результаты. Прием неподготовленных слушателей в высшие школы успел сказаться уже и в настоящее время и по единогласному заявлению профессоров, в особенности на медицинских и технических факультетах, уровень студентов старших курсов настолько понизился, что трудно читать специальные курсы, необходимые для инженера и врача. Для этого у слушателей нет достаточной математической подготовки, нет теоретического развития. Неудачу этой меры признал впоследствии и Наркомпрос, восстановив отмененные ранее конкурсные экзамены и введя проверку знаний в течение курса. Прием лиц без достаточной подготовки в связи с ненужным уплотнением высших учебных заведений создали огромное переполнение в школах, в корне разрушающее основы правильного ведения учебного дела, особенно на медицинских и технических факультетах.

Дальнейшим шагом приобщения рабочих к науке было создание рабочих факультетов, мера вполне основательная, если ей дать правильное развитие. Однако инициатор дела О.В.У.З. Наркомпроса не сумел найти правильного пути, и рабочие факультеты, которые должны были бы явиться подготовительной школой, на самом деле превратились в привилегированные учреждения, захватившие многие помещения и лаборатории и тем парализовавшие деятельность основных факультетов. Исключительное положение студентов и преподавателей рабочих факультетов разрушило непрочное у нас в России здание Высшей школы, создав для преподавателей в ней ряд больших затруднений.

Критика постановлений О.В.У.З. Наркомпроса со стороны профессуры вызвала ряд мер, из которых одной из самых нецелесообразных явилось объявление путем декрета всех преподавателей, пробывших в школе более трех лет, независимо от их научных работ, и от ответственности их преподавательской деятельности, полноправными профессорами. Эта мера губительным образом отразилась на ходе научного образования, понизив уровень профессуры. Идя по этому пути далее, О.В.У.З. Наркомпроса отменил вполне самостоятельность академической коллегии и право самопополнения, что неизбежно поведет к дальнейшему понижению уровня преподавания.

Наряду с мерами, направленными против профессорских коллегий, необходимо отметить и ряд мер, направленных против различных учреждений в целом, например уничтожение Университета имени Шаняевского, выполнившего интенсивную научную и педагогическую работу.

Одной из характерных черт деятельности Отдела Высших Учебных Заведений Наркомпроса, не сумевшего выработать в течение трех лет никакого устава Высшей школы, является система нецелесообразности и ничем не оправданных экспериментов, к которым нужно отнести устранение избранного коллегией Ректора в Московском Высшем Техническом Училище и замену его лицом, которое в свое время было исключено из состава профессуры за неисполнение обязанностей и которое, по его собственным словам, отличалось полнейшим презрением к преподавательскому составу Московского Высшего Технического Училища. Конфликт был неизбежен, он разразился и привел к прекращению занятий преподавательским персоналом, с которым оказалось солидарно и студенчество (около 2 000 человек против 150). Неправильность мероприятий Отдела Высших Учебных Заведений Наркомпроса в этом случае была констатирована им самим в Правительственном сообщении. Другим примером является назначение Президиума Первого Московского Университета к передаче в его бесконтрольное ведение управление всеми факультетами,

в том числе и медицинским; при этом Президиум, лишенный компетентности в медицинских вопросах, отказывается признать таковую за медицинским факультетом, производя, например, назначение ближайших сотрудников профессоров помимо согласия и участия самих профессоров, что создает невозможную атмосферу в лабораториях и клиниках и ведет к дальнейшему падению медицинского образования, столь важного для дела народного здравоохранения.

Признавая неизбежность отдельных ошибок при бурном революционном темпе жизни, мы не можем не отметить, что если деятельность того или другого учреждения складывается только из ошибок, то это указывает на существование в учреждении органических дефектов, требующих коренных изменений.

Не приводя других многочисленных примеров, характеризующих работу Отдела Высших Школ Наркомпроса, мы обращаемся к вам с просьбой довести наши соображения до сведения Совнаркома. Мы должны прибавить, что многие из нас работают в других комиссариатах или других Отделах Наркомпроса: комиссариаты Военный, Здравоохранения, Путей сообщения, Земледелия, ВСНХ, Отделы искусств Наркомпроса и пр. и нигде не встречают в своей работе таких затруднений, как в отделах Высших школ Наркомпроса. Причину этого мы видим в недоверии профессуре и в непонимании задач образования, а для установления сколько-нибудь нормального порядка мы считаем нужным:

I. Назначения для управления общей и специальной Высшей Школой лица, относящегося с доверием к ученым и способного на деловой контакт с ними.

II. Создание при Наркомпросе ученого органа из выборных представителей от Академии наук и Высших Школ – на место ГУСа (Государственного ученого совета. – Н. А., А. А.), имеющего в своем составе лишь единичных ученых и не пользующегося в целом авторитетом в ученом мире. Такой орган специалистов должен играть роль консультационного органа, аналогичного Инженерному Комитету ГВИУ, Артиллерийскому Комитету ГАУ, Ученому Медицинскому Совету НКЗ, Техническому Комитету Высшего Геодезического Управления при ВСНХ.

III. Предварительное обсуждение указанным органом всех деталей проводимых Наркомпросом проектов в области Высшего Народного Образования.

(Подписали):

К.А. КРУГ, профессор и декан электротехнического факультета Московского Высшего Технического Училища, Член Государственной Общеплановой Комиссии, Председатель Теплового Комитета.

И.М. ГУБКИН, профессор и член Президиума Московской Горной Академии, геолог Геологического Комитета ВСНХ, член Государственной Общеплановой Комиссии, Председатель Главного Сланцевого Комитета и заместитель председателя Главного Нефтяного Комитета, Председатель Особой Комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии, член Совета Московского Отделения Геологического Комитета и Председатель Секции Прикладной Геологии.

Л.А. ТАРАСЕВИЧ, профессор 2-го Московского Государственного Университета и Ветеринарного Института, Председатель Ученого Медицинского Совета Наркомздрава, Директор Государственного Научного Института Здравоохранения и Института Контроля Сывороток и Вакцин, Председатель Сывороточно-Вакцинной Комиссии, Редактор Реферативн. Журнала, Врачебного Дела и др. журн.

В.Н. РОЗАНОВ, Старший врач бывшей Солдатенковской больницы, Председатель Медицинской Комиссии при Государственном Протезном заводе, лектор курсов для врачей по рентгенологии при Наркомздраве, заведующий терапевтическим отделением при рентгеновской секции Наркомздрава.

П.П. ЛАЗАРЕВ, профессор Московского Университета и Московского Высшего технического училища, член Российской Академии наук, Директор Института биологической физики Наркомздрава, заведующий рентген. электром. и фотобиологической секцией Наркомздрава, член Ученого Медицинского Совета НКЗ, заведующий фотохимическим

отделом Института Прикладной химии ВСНХ, член и заместитель председателя Особой Комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии ВСНХ и председатель магнитного отдела, председатель коллегии Центрального Аэродинамического Института.

Д.Д. ПЛЕТНЕВ, профессор Первого Государственного Университета, директор Факультетской Терапевтической Клиники, редактор научного журнала «Клиническая медицина», член Ученого Медицинского Совета НКЗ.

А.А. ГРУШКА, профессор Первого Московского Государственного Университета, декан Историко-Филологического факультета.

В.В. СТРАТОНОВ, Профессор Первого Московского Государственного Университета, декан Физико-Математического Факультета, Председатель Комитета Главной Астрофизической Обсерватории, заведующий Физико-Математическим Отделом Государственного Румянцевского Музея, председатель представительства Туркестанского Государственного Университета.

Н.А. ИЗГАРЫШЕВ, декан и профессор Технического Факультета Института Народного Хозяйства имени К. Маркса, профессор Первого Государственного Университета и Московской Горной Академии.

В.А. ФОМИН, профессор Высшей Медицинской школы, Профессор Ветеринарного Московского Института, Проректор и товарищ декана Медицинского Факультета Первого Московского Государственного Университета.

А.А. ЧУГАЕВ, профессор химии в Петроградском Университете и Петроградском Технологическом Институте, Директор Института по изучению платины, член Президиума Института прикладной Химии, член Международной Ассоциации химических обществ от России.

А.Н. ДЕРЖАВИН, профессор Иваново-Вознесенского Политехнического Института, декан Инженерно-Технического факультета, лектор Высших Административно-Технических курсов для рабочих, профессор Высших Художественных мастерских в Москве, редактор текстильных справочников для рабочих при НТО ВСНХ, заведующий прядельными фабриками Раменской мануфактуры.

С.С. НАМЕТКИН, профессор и ректор Второго Московского Государственного Университета.

Е. ФРОМГОЛЬД, Профессор Первого Московского Государственного Университета, член рентгеновской секции НКЗ.

Н.Р. БРИЛИНГ, профессор Московского Высшего Технического Училища, председатель коллегии Автомоторного Института ВСНХ, председатель коллегии «Компаса», член Комитета Военно-Воздушного флота.

С.А. ЧАПЛЫГИН, профессор Первого Московского Государственного Университета, член коллегии Центрального Аэрод. Института.

А.Е. ЧИЧИБАБИН, профессор Высшего Технического Училища и Московского Государственного Университета, Председатель Технического Совета Глав. ВСНХ, член Технического Совета Химотдела ВСНХ, член Ученого Медицинского Совета Наркомздрава.

И.А. КАЛИННИКОВ, профессор и ректор Московского Высшего Технического Училища, член Общеплановой Государственной комиссии при СТО.

А.Д. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, профессор Московского Высшего Технического Училища, Межевого Института и Университета, член Геологического Комитета ВСНХ, Председатель Геологического Отдела Особой Комиссии по Курской магнитной аномалии, председатель Комиссии по воссозданию учебно-технической литературы Главпрофобра.

В.И. ЯСИНСКИЙ, профессор Высшего Московского Технического Училища, заместитель председателя Теплового Комитета, член Президиума Паркома при Главном Управлении Тех. Предприятий ВСНХ, редактор журнала «Вестник Инженеров».

П.П. ДИАТРОНОВ, профессор Второго Московского Государственного Университета, товарищ председателя Ученого Медицинского Совета Наркомздрава.

В.В. ИВАНОВ, профессор Первого Московского Государственного Университета, ученый секретарь ученого медицинского Совета, редактор журналов «Клиническая медицина», «Реферативный медицинский журнал» и «Врачебное дело».

А.В. МАРТЫНОВ, профессор, декан Медицинского Факультета, редактор «Клинической медицины», «Реферативного медицинского журнала», «Врачебного дела», консультант Травматологического Института.

Ф.А. РЕЙН, профессор и декан Медицинского факультета Второго Московского Государственного Университета, член Ученого Медицинского Совета при Нар. Ком. Здравоохран., главный доктор Московской 1-й городской им. Н.И. Пирогова больницы.

А.Е. ФЕРСМАН, член Российской Академии Наук, профессор Петроградского университета, ректор Географического Института, товарищ Председателя комиссии Производительных Сил России.

А.И. БАЧИНСКИЙ, профессор Московского Межевого Института и Университета, член Научной комиссии НТО ВСНХ.

В.А. КОСТИЦИН, профессор Первого Государственного Университета, товарищ декана Физико-Математического Факультета, член Государственного Ученого Совета, Ученый секретарь Московского института Математических Наук, член коллегии Научно-техническ. Отдела ВСНХ.

А. ДОЛГОВ, профессор и проректор Московского Высшего Технического Училища, член Президиума Госплана, заведующий Центральным Производственным Отделом ВСНХ.

СЕРГЕЙ ОЛЬДЕНБУРГ, непреременный секретарь Российской Академии Наук, и ее действительный член, Председатель Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, профессор Петроградского Университета.

В. СТЕКЛОВ, Вице-Президент Российской Академии Наук, профессор Петроградского Университета, член редакции журнала, Вице-Президент VI Интернационального Конгресса математиков, член международной комиссии по выработке научной терминологии, член московского математ. Общества и Общества Любителей Естествознания.

В. ИПАТЬЕВ, член Российской Академии Наук, директор Государственного Научно-Технического Института.

М. КУРНАКОВ, член Российской Академии Наук, профессор Горного и Политехнического Института в Петрограде, Председатель Отделения Химии Русского Физико-Химического Общества.

И.П. ПАВЛОВ, член Российской Академии Наук, член Института Экспериментальной медицины и профессор Военно-Медицинской Академии.

А.А. БЕЛОПОЛЬСКИЙ, член Российской Академии Наук, Соредактор Научного журнала «Astrophysical Journal», Почетный член Royal Astronomical Society, Почетный член Итальянского Общества Спектроскопистов, Медальер Французского Института.

А.П. КАРПИНСКИЙ, Президент и член Российской Академии Наук, почетный директор Геологического Комитета.

Сем. ФЕДОРОВ, профессор Высшего Московского технического Училища, член Госплана, заведующий Текстильным Институтым НТО.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 54–56.

Машинопись. Подчеркивания по тексту, английский текст вписан от руки. Рукописные резолюции:

- 1) В.И. Ленина: «т. Молотову. Дать на заключение т. Луначарскому, т. Каменеву, т. Преображенскому»;
- 2) Л.Б. Каменева: «Надо поставить в П(олит)бюро». Подписи на резолюциях В.И. Ленина, Л.Б. Каменева – автографы. Две квадратные печати для входящих документов: 1) Прот. П.Б. № 94. п. 8; 2) Дело № 90, 38. Подпись заверителя М. Турикова – автограф. Документ датируется по сопроводительным документам.

Документ № 3

Обращение группы профессоров Московского университета в СНК РСФСР с объяснением причин прекращения занятий в вузе зимой 1921/1922 уч. г.

[г. Москва]

[Не ранее 13 января 1922 г.]

В СОВНАРКОМ От преподавателей Московского университета

Московский университет, старейший в России, после 167-летнего служения русскому народу и науке прекратил занятия.

Московская профессура неоднократно призывала власть вникнуть в острейшее положение высшей школы. Она стремилась привлечь на угрожающую катастрофу внимание носителей высшей власти. Все было бесплодно, и иного пути, к прискорбию преподавателей, не оказалось.

Когда страна разорена, обнищала, последней ее надеждой должны быть знания и наука. Школу надо было оберегать до последней крайности. Вверженная в невежество страна исторически будет отброшена на несколько столетий. Она неминуемо станет добычей культурных соседей.

После разрушения средней школы теперь погибнет и высшая, почти лишенная материальных средств и отрезанная от мировой науки. Провинциальные университеты, десятки лет служившие с честью народу и науке, закрываются или превращаются в средние школы. Огонек науки едва теплится в столичных университетах.

Клиники, лаборатории, кабинеты получают ассигнования в десятки раз меньше, чем нужно. Аппараты изношены, новых не приобретается. Лечить и работать нечем: медикаменты и реактивы иссякают. Новой литературы почти нет, общение с заграничными учеными затруднено до крайности. Отопление скудное или его вовсе нет.

Преподаватели вознаграждаются во много раз меньше, чем нужно, чтобы [неразборчиво] работать. Они должны работать на стороне, совмещая по многу должностей. Скудное содержание уплачивается им через 2–3 месяца, и деньгами уже иной, меньшей ценности. Для ученой работы сил и времени не остается, преподавание ведется переутомленными людьми.

Профессура обнищала и изнемогает. Многие преждевременно умерли от оскудения и непосильного для ученых физического труда. Иные кончили самоубийством. Большинство оставшихся, чтобы существовать, распродали имущество, книги.

Страна, раньше бедная научными силами, теперь ими обнищала.

Московский университет не хочет вводить в обман ни представителей власти, ни учащуюся молодежь, ни народ. Надо решиться на одно из двух:

или высшие учебные заведения закрыть, или прямо и решительно покончить с бывшим до сих пор отношением к высшей школе и ее преподавателям. Что для этого нужно – искренне желающим выхода будет указано.

Делегаты:

Проф. В.С. Гулевич.
Проф. В.А. Костицин.
Проф. А.П. Павлов.
Проф. Д.Д. Плетнев.
Проф. Г.Н. Сергиевский.
Проф. В.В. Стратонов.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 45.

Машинопись. Две квадратные печати для входящих документов: 1) Прот. П.Б. № 94. п. 8; 2) Дело № 20, 38. Рукописная резолюция: «для сведения В.Л. 7/II». Документ датируется по сопроводительным документам.

Литература

Вахитов Р.Р. Автономия и академические свободы в советских университетах (1920–50-е) // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28, № 1. С. 144–153.

Купайгородская А.П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: мат-лы междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 185–201.

Курепин А.А. Власть и наука. 1917–1937 гг. (на материалах Петрограда – Ленинграда): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 47 с.

Мазур Л.Н., Карманова Е.Д. К вопросу об автономии российских университетов: историко-документоведческое исследование уставов XIX–XXI веков // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 156–169.

Парсанов В.С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6 (39). С. 121–146.

Петаченко Г.А. Профессиональные объединения научных работников в советской России (1918–1928 гг.) // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2016. № 4. С. 36–39.

Серебряный С.Д. Наука и власть в России. Актуальные размышления над современной книгой (Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006) // Одиссей. Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества, политики. М., 2007. Вып. 19. С. 356–375.

Стратонов В.В. Потеря Московским университетом свободы (воспоминания о забастовке 1922 г.) // На рубежах познания Вселенной (Историко-математические исследования, вып. 23, 1991). М., 1992. С. 410–455.

Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: мат-лы междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 173–184.

Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реформа высшего образования в Советском государстве в 20-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 4. С. 256–264.

Шандулин Е.В. Университетская трансформация в 1920-е гг. в СССР как отражение государственной политики реформирования системы высшего образования (по материалам Донского университета) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 135–140.

References

Finkel', S. (2003). Organizovannaya professura i universitetskaya reforma v Sovetskoy Rossii (1918–1922) [Organized Professorship and University Reform in Soviet Russia (1918–1922)]. In *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. St. Petersburg, pp. 173–184.

Khudoborodov, A.L., Zarovnyatnykh, V.A. (2013). Reforma vysshego obrazovaniya v Sovetskom gosudarstve v 20-e gody XX veka [Reform of Higher Education in the Soviet State in the 1920s]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 256–264.

Kupaygorodskaya, A.P. (2003). Ob'edinenie nauchnykh i vysshikh uchebnykh zavedeniy Petrograda (1917–1922) [Unification of Scientific and Higher Educational Institutions of Petrograd (1917–1922)]. In *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. St. Petersburg, pp. 185–201.

Kurepin, A.A. (2004). *Vlast' i nauka. 1917–1937 gg. (na materialakh Petrograda – Leningrada)* [Power and Science. 1917–1937 (Based on Materials from Petrograd–Leningrad)], Dr. hist. sci. abstract. St. Petersburg. 52 p.

Mazur, L.N., Karmanova, E.D. (2020). K voprosu ob avtonomii rossiyskikh universitetov: istoriko-dokumentovedcheskoe issledovanie ustavov XIX–XXI vekov [On the Issue of Autonomy of Russian Universities: Historical and Documentary Research of the Statutes of the 19th – 21st Centuries]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 25, No. 2, pp. 156–169.

Parsanov, V.S. (2018). Bor'ba za universitet v bol'shevistskoy Rossii 1917–1921 gg. [The Struggle for the University in Bolshevik Russia 1917–1921]. In *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. Vol. 6, No. 39, pp. 121–146.

Petachenko, G.A. (2016). Professional'nye ob'edineniya nauchnykh rabotnikov v sovetskoj Rossii (1918–1928 gg.) [Professional Associations of Scientific Workers in Soviet Russia (1918–1928)]. In “*Vyshehishaya shkola*”: *navukova-metadychny i publitsychny chasopis*. No. 4, pp. 36–39.

Serebryany, S.D. (2007). Nauka i vlast' v Rossii. Aktual'nye razmyshleniya nad svoevremennoy knigoy (Kaganovich B.S. Sergei Fedorovich Ol'denburg. Opyt biografii. SPb., 2006) [Science and Power in Russia. Current Reflections on a Timely Book. (Kaganovich B.S. Sergei Fedorovich Oldenburg. An Experiment in Biography. St. Petersburg, 2006)]. In *Odissey. Chelovek v istorii. Vol. 1. History as a Play of Metaphors: Metaphor of History, Society and Politics*. Moscow, pp. 356–375.

Shandulin, E.V. (2017). Universitetskaya transformatsiya v 1920-e gg. v SSSR kak otrazhenie gosudarstvennoy politiki reformirovaniya sistemy vysshego obrazovaniya (po materialam Donskogo universiteta) [University Transformation in the 1920s in the USSR as a Reflection of the State Policy of Reforming the Higher Education System (Based on Materials from the Don University)]. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 135–140.

Stratonov, V.V. (1992). Poterya Moskovskim universitetom svobody (vospominaniya o zabastovke 1922 g.) [Moscow University's Loss of Freedom (Memories of the 1922 Strike)]. In *Na rubezhakh poznaniya Vselennoy (Istoriko-matematicheskie issledovaniya)*. Moscow. Vol. 23, pp. 410–455.

Vakhitov, R.R. (2024). Avtonomiya i akademicheskie svobody v sovetskikh universitetakh (1920–50-e) [Autonomy and Academic Freedom in Soviet Universities (1920–50s)]. In *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. Vol. 28, No. 1, pp. 144–153.